

С. И. Берестнев

Один день с Б. А. Шрамко

Сентябрьское утро 1972 года. Мы, свежее испеченные первокурсники исторического факультета Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького, еще не успевшие втянуться в монотонный учебный процесс и поэтому настроенные особенно радостно и нетерпеливо, заняли места в лекционной аудитории 4–65. В соответствии с расписанием ожидалась лекция по «Истории первобытного общества». Лектор — профессор Борис Андреевич Шрамко. Подавляющему большинству из нас, особенно приехавшим из провинции, это имя ничего не говорило.

Точно по звонку дверь отворилась и в аудиторию, слегка прихрамывая, неторопливо вошел средних лет преподаватель, худощавый и подтянутый. Он прошел вдоль большой доски, встал за кафедру и внимательным взглядом окинул нашу разношерстную компанию. Легкий шум мгновенно стих. Меня сразу поразило, что в руках у него не было ни книги, ни папки, ни единой бумажки, словом — никакого справочного материала, без которого в то время трудно было представить себе лектора. Облокотившись на кафедру, он начал говорить неповторимым тенорком и то, что он говорил, легко и свободно, как-бы размышляя вслух, сразу захватило аудиторию. Это напряженное внимание не прерывалось до заключительного звонка. Перед самым концом занятия Б. А. предложил желающим в воскресенье (а это было на следующий день) съездить вместе с ним на раскопки экспедиции исторического факультета, чтобы на практике ознакомиться с работой археологов.

После сбора в условленном месте и часовой тряски в душном и пыльном пригородном автобусе наша небольшая компания высадилась на окраине с. Малые Проходы и по полевым дорогам отправилась к месту раскопок. Б. А. в яркой клетчатой рубашке, с офицерской полевой сумкой через плечо, весь неблизкий путь отвечал на наши (часто нелепые) вопросы о древних обитателях края, о скифах и сарматах. В его ответах не было ни тени профессорского превосходства. Он говорил не торопясь, без всякой назидательности, словно беседуя с равными себе и приглашая к дискуссии. Помню, на мой вопрос, правда ли, что сарматы победили скифов благодаря более длинным мечам, он искоса посмотрел на меня поверх очков, усмехнулся и спросил: «А что помешало скифам сделать и себе длинные мечи? Разве дело только в оружии? Подумайте над этим». Вроде прямого ответа я не получил, но проблема была поставлена и я в дальнейшем потратил немало усилий и времени чтобы ответить на свой вопрос.

Не прерывая беседы, Б. А. все время внимательно осматривался по сторонам, будто пытаясь что-то вспомнить, а когда мы по диагонали пересекли скошенное поле, преодолели неглубокую сухую балку и поднялись на холм, он остановился, огляделся и удовлетворенно кивнул — Да, здесь. — В ответ на недоуменное молчание он показал рукой на соседнюю небольшую высоту и пояснил — Вон там стояла моя

батарея, когда шли бои за освобождение Харькова. — Много позже я узнал, что хромота Б. А. была следствием тяжелого ранения, полученного офицером-артиллеристом при авианалете на позиции гаубичной батареи. Потом был прямоугольник раскопа в чистом поле, загорелые, немного снисходительные к новичкам студенты — старшекурсники, получение первых навыков в специфической работе с лопатой и первые находки. Вернулись в Харьков только вечером.

Потом были четыре полевых сезона работ на Бельском городище (городе Гелоне) в составе экспедиции Б. А. Шрамко, которого за глаза не называли иначе, как Шеф, (и он об этом прекрасно знал) и больше двух десятилетий самостоятельных исследований. Один день и почти половина жизни — несопоставимые величины. Но тот яркий сентябрьский день и лукавое выражение лица Учителя я помню так отчетливо, словно это было только вчера. День, который во многом определил мою судьбу.

